

— Конечно, не стану! — весело рассмеялся Первый принц.

Обида на младшего брата, из-за которого ему вчера пришлось стоять на коленях, окончательно испарилась. Первый принц ещё не знал, какой человек этот Седьмой брат, но раз тот сумел заставить вечно вежливого Третьего брата проглотить обиду — значит, Дубянь свой парень!

Третий принц медленно опустил пустую руку, которую уже протянул было за угощением. Он спрятал ладонь в широком рукаве и, нацепив на лицо привычную мягкую улыбку, произнёс:

— Разумеется, не стану.

— Вот и славно! — подхватил Первый принц, проявляя щедрость за чужой счёт.

— Седьмой брат ещё совсем кроха.

Е Сяююань тем временем сложил все поднесённые подарки на полки у входа и, подобно другим слугам, тихо замер у стены. Рядом с ним стоял личный евнух Первого принца.

— Давненько я не видел своего господина в таком добром расположении духа, — с облегчением шепнул тот.

— И наш Маленький принц давно так весело не смеялся, — в тон ему отозвался Сяююань.

Двое слуг переглянулись, ощутив внезапное профессиональное родство.

Первый принц тем временем усадил Третьего на место и легонько потрепал Дубяню по голове. Младший брат внезапно начал ему нравиться: милovidный, бойкий на язык и совсем не такой раздражающий, как он себе представлял. Хоть из-за Седьмого брата у него вчера прибавилось уроков и разболелись колени, сегодняшнее удовольствие стоило этих мелких невзгод.

— Вчера я сболтнул лишнего, — прямо заявил Первый принц, — но меня уже наказали, так что будем считать, мы в расчёте. Если кто посмеет тебя обидеть — иди прямо ко мне. А теперь марш на место.

Второй принц тоже улыбнулся:

— Если что-то понадобится или чего-то будет не хватать — обращайся ко Второму брату.

За время этой короткой встречи Дубянь успел составить первое впечатление о старших

братьях. Первый принц был прост как пробка, если не сказать — глуповат. Хитрить он не умел, мыслил прямолинейно и, если гладить его по шёрстке, мог стать отличной опорой. Правда, и подбить его на какую-нибудь глупость, скорее всего, было проще простого.

Второй принц со своей вечной улыбкой казался миротворцем, вечно лавирующим между Первым и Третьим. Он явно старался поддерживать добрые отношения со всеми и преуспел в искусстве быть приятным для каждого.

А вот Третий принц...

Дубянь посмотрел на него.

«Что ж, перед нами классический образец юного лицемерия»

Ещё сидя под столом, Дубянь чувствовал в нём фальшь, но при личной встрече неприязнь Третьего брата стала почти осязаемой. Он просто не мог позволить себе лечь сегодня спать, не подколов этого праведника.

В правом ряду столы стояли в привычном порядке: Первый принц в самом начале, Третий — в конце. В левом же ряду всё было иначе: впереди сидел Шестой принц, а в самом конце — Четвёртый. Казалось бы, здесь рассаживали по возрасту, и чем старше принц, тем дальше его место, но Дубянь, будучи самым маленьким, оказался позади всех.

Проходя мимо Шестого принца, он услышал, как тот демонстративно фыркнул.

«?»

Дубянь замер в недоумении.

«Я-то ему что сделал? Дети — существа непредсказуемые»

Усевшись за свой стол и скрестив ноги, Дубянь обнаружил, что столешница доходит ему до самого подбородка. Он тяжело вздохнул, положив подбородок на стол.

«Мал я ещё, ох как мал»

Сидевший перед ним Четвёртый принц медленно обернулся:

— Спасибо за угощение, брат.

Четвёртый принц был пухленьким и удивительно напоминал фарфоровую куклу, приносящую

удачу. Его огромные глаза вечно слипались от сонливости, а под рукой он всегда держал небольшую подушечку.

— Не за что, — улыбнулся Дубянь.

Принц похлопал по своей подушке и заговорщицки прошептал:

— Хочешь, поспим вместе попозже?

— Поспим? — Дубянь опешил. — А учитель не будет ругаться?

— Учитель Си на нас не смотрит, — честно признался Четвёртый принц, указывая на правый ряд. — Его те интересуют.

Дубянь на мгновение замолчал, обдумывая предложение.

— Посмотрим. Ты спи пока, Четвёртый брат.

Тот медленно отвернулся и так же плавно, почти безмятежно, опустил голову на подушку.

«Чистой воды ленивец»

Учителя Си звали Си Шицю. Он занимал должность Главы Ведомства Дали и был признанным знатоком законов Великой Чжоу и судебного дела. Уроки для принцев были для него лишь побочным занятием, ведь основная работа требовала массу времени. Однако император Чунчжао очень ценил его и позволял приходить в школу сразу после утреннего приёма, хотя иногда его всё же подменяли другие наставники.

Когда учитель вошёл в зал, Дубянь принялся внимательно его изучать.

Учитель Си носил тёмно-синий халат свободного кроя, его волосы были скреплены простой нефритовой шпилькой, а на подбородке красовалась ухоженная борода. Ему было около тридцати, и выглядел он весьма благородно и учёно. Неудивительно, что юные служанки судачили о его личной жизни и смерти наложницы.

Присмотревшись, Дубянь заметил на запястьях учителя плотные повязки, а на лице — едва заметные синяки и следы от когтей. В прошлой жизни люди на улице замирали, глядя на драку двух кошек; в этом мире было трудно не задаться вопросом, кто же так «разукрасил» наставника.

Заметив новую фигурку в зале, господин Си на мгновение замер, вежливо кивнул Дубяню и

начал урок. Он рассказывал о недавних делах из архивов Ведомства Дали.

Дубянь слушал внимательно. Стоит отдать наставнику должное: он говорил интересно, но для таких детей, как Четвёртый, Пятый и Шестой принцы, темы были слишком сложными. Стало ясно, почему Си Шицю не обращал на них внимания: требовать понимания от малышей было бесполезно. Наставник ориентировался на старшую троицу, полагая, что младшие со временем просто привыкнут к подобным речам.

Сегодня речь шла о кровной мести.

— Жил в уезде Наньян один мясник, — начал Си Шицю. — Решил он купить поросят у соседа и только дома понял, что переплатил втридорога. Решив, что его обманули, мясник через десять дней прокрался ночью в дом соседа и убил его. Тело он унёс, разрубил на куски и, смешав с другим мясом, продал ничего не подозревающим покупателям. Сын убитого соседа, узнав об этом, не пошёл к властям, а так же ночью забрался в дом мясника, вырезал всю его семью, включая жену и детей, и съел их сырыми.

Закончив рассказ, учитель спросил:

— Как вы считаете, правильно ли поступил сын соседа?

— Мститель, описанный в книгах, убивает без вины! — воскликнул Первый принц. — Так и должен поступать настоящий мужчина! Разве можно винить сына за месть?

Третий принц возразил:

— Мечь оправдана, но нельзя было трогать жену и детей. Они ни в чём не виноваты.

— Откуда тебе знать, что они не покрывали убийцу? — вскинулся Первый принц. — Смерть отца — долг, который нельзя не вернуть. Сын, не отомстивший за отца — не сын!

— Но самосуд, влекущий гибель целых семей, превратит страну в хаос, — спокойно ответил Третий принц. — Отец-император учит нас милосердию, неужели брат забыл об этом?

Первый принц поперхнулся словами.

— А что скажет Второй принц? — спросил Си Шицю.

Тот лишь улыбнулся:

— И старший брат, и Третий брат — оба по-своему правы.

Наставник кивнул, не удивлённый их ответами. Он уже собирался огласить приговор по делу, как вдруг заметил нечто странное. Маленький принц, незаметно для всех, перебрался с пола прямо на стол. Дубянь сидел, подперев щеку ладонью, и, казалось, ловил каждое слово.

Господин Си замер и, движимый непонятым порывом, спросил:

— А что думает Маленький принц?

Дубянь ответил не задумываясь:

— Первый брат, Второй брат и Третий брат — все правы!

Си Шицю промолчал.

«Истинные братья: мастерски обходят острые углы»

Он не стал делать Дубяню замечание за то, что тот залез на стол — было очевидно, что для такого крохи столешница слишком высока. По крайней мере, это лучше, чем спать, витать в облаках или втихомолку жевать ягоды. Взгляд учителя Си поочерёдно скользнул по Четвёртому, Пятому и Шестому принцам.

— Суд в Наньяне вынес решение, — продолжил наставник. — Причина убийства была признана веской, но расправа над семьёй — недопустимой. Сына соседа приговорили к ста ударам палками и ссылке за три тысячи ли.

«Сто ударов и такая ссылка — это почти смертный приговор, если только у человека не железное здоровье»

— В законах сказано: если деды, бабки или родители убиты, а потомки самовольно казнят преступника — им полагается шестьдесят ударов. Если же убийство совершено в тот же миг в пылу гнева — оно не считается преступлением. Если бы сын соседа ограничился только мясником, он получил бы лишь шестьдесят ударов. Но истребление всей семьи — это уже иное злодеяние. Законы суровы, и вы, принцы, должны об этом помнить.

Первый принц нехотя буркнул в ответ.

«Если когда-нибудь я буду писать законы, — подумал он, — я обязательно это исправлю. Слишком уж несправедливо»

За сухим изложением юридических тонкостей Дубянь начал скучать. Тепло от жаровни навело дрему, и вскоре его веки стали тяжёлыми. Он привык спать на уроках ещё в прошлой жизни: оценки его не падали, учителя не трогали, и он наслаждался свободой. Если он выучил

то, что нужно — остальное его не касалось.

В этой жизни он решил придерживаться того же правила: как только научится писать все нужные знаки, учёба для него закончится, и никто не заставит его делать иначе!

Дубянь бесшумно слез со своего стола, прокрался к месту Четвёртого принца и легонько его коснулся. Тот сонно приоткрыл глаза. Дубянь взглядом указал на подушку.

Четвёртый принц всё понял без слов и великодушно подвинулся. Его подушка была узкой, но длинной, набитой гречихой — на ощупь она была на удивление приятной. Дубянь взобрался на стол брата, повернул подушку вдоль и улегся. Четвёртый принц спал, положив голову на руки, а маленький Дубянь был настолько коротким, что легко поместился рядом, не мешая брату.

— Брат, ты такой умный... — прошептал Четвёртый.

Дубянь приложил палец к губам. Он сидел на столе, и учитель Си ничего не сказал, значит, можно и поспать с комфортом.

Четвёртый принц, закрыв рот рукой, согласно кивнул. Он достал лист рисовой бумаги, укрыл им живот младшего брата, обхватил свою подушку и снова погрузился в безмятежный сон.

Голос учителя смолк. В зале воцарилась зловещая тишина. Все взгляды были прикованы к одному столу. Первый, Второй и Третий принцы застыли в немом изумлении.

«Проклятье... даже завидно немного»

Си Шицю так сильно сжал в руках свиток с законами, что костяшки пальцев побелели. У него был ангельский характер, но даже его терпению был предел.

«Несносные мальчишки! Если бы они только знали...»

Наставник отвернулся, стараясь не смотреть в их сторону.

— Что ж, продолжим, — процедил он сквозь зубы.

«Ладно уж. Лишь бы не храпели»

Личный евнух Четвёртого принца в ужасе закрыл лицо руками.

— О боги... — Он легонько подтолкнул Е Сяююаня. Увидев на лице того точно такую же гримасу отчаяния, он понял, что нашёл родную душу. — Как же твой принц умудрился такое выкинуть?

Сяюань расстроено прошептал в ответ:

— Это всё ваша опытность виновата. Знал бы я, что так можно — прихватил бы с собой и одеяло, и подушку. Спать вот так ведь совсем неудобно!

Евнух Четвёртого принца лишился дара речи.

«Так вот о чём ты беспокоишься?!»

Дубянь проспал до самого полудня, когда занятия закончились. Четвёртый принц, уходя, постоянно оглядывался на него, явно не желая расставаться с таким удобным товарищем по сну. Так была спущена на воду их хрупкая лодка дружбы.

Е Сяюань тем временем всюду расспрашивал слугу Четвёртого принца о том, что лучше приносить на уроки и на какой ткани удобнее спать. Остальные евнухи торопливо собирали вещи своих господ.

В это время Дубянь оказался один на один с Пятым и Шестым принцами. Пятым принц, как обычно, молча шёл следом за Шестым, не поднимая глаз — Дубянь не помнил, чтобы тот вообще когда-либо заговаривал первым.

Шестой принц, вскинув подбородок, подошёл к Дубяню и изо всей силы толкнул его в плечо. Но тот даже не пошевелился.

Шестой замер в недоумении.

«Не зря же я столько времени занимался тайцзицюань — моё тело окрепло, и если бы я падал от такого лёгкого толчка, все тренировки пошли бы прахом»

Шестой принц надул щёки:

— Вредный мальчишка!

Дубянь ответил с самым серьёзным видом:

— А если ты съел угощение от вредного мальчишки, то кто ты теперь?

Шестой принц опешил. Дубянь подошёл ближе и заговорщицки прошептал:

— Вредный мальчишка и тебя превратил в такого же вредину!

Прямое попадание!

Шестой принц разрыдался и бросился прочь, вопя на ходу:

— А-а-а-а! Я стал врединой! У-у-у-у!

Пятый принц бросился следом, но наткнулся на ступеньку и едва не упал. Дубянь инстинктивно подхватил его, отчего сам едва не повалился на пол. Удержавшись на ногах, Пятый принц быстро взглянул на брата, тихо шепнул «спасибо» и поспешил догонять Шестого.

Их бегство не осталось незамеченным: слуги, побросав дела, кинулись следом, опасаясь, как бы их господа не расшиблись. Так Дубянь своими руками создал на дорожках Восточного сада весьма живописное зрелище.

Е Сяююань, собрав вещи, подошёл к нему:

— Куда это они так припустили?

Дубянь вкратце пересказал суть беседы. Глядя на его лукавую рожицу, Сяююань расхохотался.

— Кажется мне, Ваше высочество куда сообразительнее Шестого принца, — он был только рад проказам своего господина. — Идёмте скорее! Пора обедать. Вы всё утро проспали — тяжкий труд, надо подкрепиться.

После сегодняшнего знакомства Дубянь составил для себя план поведения со старшими братьями. Его целью было сохранение мира — по крайней мере, пока это было возможно. Кто бы из них ни занял трон в будущем, лучше быть с ними в ладах. Кормиться из рук отца — это одно, а зависеть от брата — совсем другое. Заводить полезные знакомства нужно с пелёнок.

Пока что маленькие принцы были слишком юны и наивны, их было легко обмануть или задобрить. Основная борьба развернётся между старшей троицей. Хоть знакомство с Третьим принцем началось с лёгкой размолвки, в этом не было беды. Дубянь решил стать для него образцовым младшим братом — при условии, что тот сам не начнёт нарывать.

Большая кухня.

Вэнь Сяочунь теперь занимал здесь должность младшего надзирателя за запасами масла. Без

его ведома ни одна капля масла не могла покинуть склад, и каждое утро он лично заверял отчёты о расходе. Разумеется, цифры в этих отчётах были именно теми, что он вписывал сам.

Это место было «хлебным»: излишки масла оседали в кошельках надзирателей. Но все знали меру, воровали понемногу, чтобы отчёты не вызвали подозрений у начальства. Это было неписаным правилом, и Сяочунь, хоть и числился здесь временно, не собирался его нарушать. Однако он не брал деньги за «сэкономленное» масло, а велел свозить излишки в пустующий склад при кухне.

Так, если нагрянет проверка, он просто укажет на эти запасы, и обвинить его будет не в чем. Он пришёл сюда за связями и влиянием и не собирался портить себе будущее ради мимолётной выгоды. Оба слуги дворца Цзюйань действовали слаженно и мудро, обустроивая жизнь своего принца, о чём сам Дубянь порой даже не догадывался.

Дворец Сюсян.

Шестой принц вернулся домой в слезах, выглядя так, будто его смертельно обидели. Наложница Лань была вне себя от беспокойства.

— Что случилось? Скажи матушке, кто тебя расстроил? — Она гневно взглянула на слуг. — Как вы смотрели за господином? Куда вы глядели?!

— Я не вредина! — рыдал Шестой принц. — Матушка стала врединой! У-у-у!

— Конечно-конечно, ты не вредина, — утешала его наложница. — Как мой сын может быть вредным?

Шестой принц икнул от слёз:

— Я съел сухофрукты, которые мне дал Седьмой брат... он вредина, и я теперь тоже стал врединой!

Он говорил сбивчиво, и наложница Лань ничего не поняла. Она обратилась к евнуху, но тот тоже не слышал разговора детей, ведь они шептались. Евнух долго подбирал слова и наконец ответил:

— Кажется, Шестой принц говорит о Седьмом принце. Он назвал Седьмого принца вредным мальчишкой.

Наложница Лань не увидела в этом никакой проблемы.

— Ну и что? Если он вредина — пусть так и будет, — она погладила сына по спине. — Ты всё правильно сказал, он и есть вредина.

Но от этих слов Шестой принц зарыдал ещё громче.

— Нет! Он не может быть врединкой! Не смей так говорить!

Наложница Лань лишилась дара речи. В сознании Шестого принца, принявшего угощение от Дубяня, между ними возникла невидимая связь. Если Дубянь — вредина, то и он сам такой же. А значит — этот противный Седьмой брат должен быть хорошим человеком, как и он сам! Но чем больше он об этом думал, тем обиднее ему становилось. Он ведь просто съел немного ягод, почему же мир стал таким сложным?

— У-у-у... ты должна сказать, что он хороший! — требовал Шестой принц.

Наложница Лань смотрела на него с нескрываемым подозрением. Никогда прежде она не сомневалась в здравомыслии своего сына так сильно, как в этот миг.

Астрологическое управление.

Император Чунчжао не только не отослал Седьмого сына, но и позволил ему учиться в Восточном саду вместе с братьями. Для гарема и чиновников это стало ясным сигналом: государь больше не держит зла на покойную наложницу Юнь.

Глава управления Чжан Фаньмин, который когда-то лично советовал удалить принца из столицы, разумеется, тоже всё понял. Ещё в день аудиенции он почувствовал неладное — отношение императора изменилось. Будь это два года назад, мальчик покинул бы дворец в тот же вечер.

Чжан Фаньмин сидел за столом, медленно опуская лист бумаги в жаровню.

«Неужели образ Юнь за столько лет стёрся из памяти государя? Неужели память о мёртвой женщине для него теперь менее ценна, чем живой сын?»

Пламя жадно поглотило иероглифы, не оставив и следа. Едкий дым наполнил комнату, щеко́ча ноздри. Влияние Астрологического управления при дворе Чунчжао началось именно с дела наложницы Юнь. Если император вдруг усомнится в истинности тех событий, положение управления рухнет в одночасье. Попробовав вкус всеобщего почтения, никто не захочет возвращаться в неизвестность. Их нынешняя власть была построена на костях матери и сына, и теперь её было уже не отделить от этого фундамента.

А значит...

«Тот, кто родился „греховным плодом, погубившим мать“, должен оставаться им до конца своих дней! Эти две ступени к власти он, Чжан Фаньмин, будет попирает ногами до самой смерти»

Он медленно отхлебнул горячего отвара. Если император начал забывать о клейме Маленького принца, Чжан Фаньмин позаботится о том, чтобы память государя освежилась.

<http://bllate.org/book/16117/1584887>